

Ольга Сedaкова

...равенское, разбудить Галлу. Надо найти в арийской культуре в з о р, который мог бы бес-
трепетно и спокойно /торжественно/ взглянуть в «любопыт-
ный, черный и пристальный и го-
лый взгляд» [азиат].

А.Блок.
Дневник 1911 года, 14 (1) ноября.

АЛЕКСАНДР БЛОК, первый трагический лирик предреволюционной России, не был — как видно из его путевых картин — слишком благодарным путешественником: даже если он, как истинный наследник российского гуманизма, называл «Европу и Италию особенно» «своей дру-
гой родиной» (Письмо матери, 7 мая 1909 г., Флоренция), Ита-
лия и после встречи осталась
тем, чем была, — страной без
земли и без людей: «Здесь нет
земли, есть только небо, искусст-
во, горы и виноградные поля. Лю-
дей нет». (Письмо Е.П. Ивано-
ву, 7 июня 1909 г., Сиена), «чу-
жей стороной»:

Страстно твердить свое имя,
Мария,
Здесь, на чужой стороне?
(«Madonna da Settignano»).

У Блока явно не было простой
пытливости и вкуса к тому, что
Пушкин назвал «привычками
бытия»: именно это открывает
приезжему чужой обиход, как
Вас. Розанову в его итальянских
зарисовках. Чего Блок искал в
Италии? Неба искусства и трака
великого прошлого, как в пред-
смертных стихах Баратынского:
Небо Италии, небо Торквато,
Прах поэтический древнего

Рима.

Родина неги, славы богатая...
Но и этот традиционный для
русской лирики перечень ита-
льянских привязанностей приме-
нительно к Блоку придется со-
кратить: обьезжав за два без малого
месяца (с 1 мая до 21 июня
1909 года) 13 итальянских горо-
дов, до Вечного Города Блок не
добрался и никакого сожаления
об этом не выражал, не только
Тассе и Ариост, но даже Петрар-
ка не входил в круг его «авто-
ров», представленный исключи-
тельно Дантом; что же до «не-
ги», радости и волюности, кото-
рые так привлекали в Италии
гостей из печальной России,
Блок — в силу своего трагиче-
ского и по сути аскетического,
если не мученического дара —
никогда не видел в этом ничего,
кроме соблазна. Отношения с
«простым счастьем», с миром
«красивого уюта» были для него
выяснены. Кроме того, Блок яв-
но не был predisposed к евро-
пейскому Югу; он решительно
не избрал суровый скандинав-
ский Север и собственную ге-
неалогию возводил к «северным
скалкам»:

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скалды...
И тем не менее п у т я его по-
эзии (а путь — центральный хо-
удожественный и экзистенциаль-
ный символ Блока) прошел че-
рез Италию, и все, что было по-
сле итальянского путешествия,
несет на себе следы этого опыта.

Блок отправляется в Италию
весной 1909 года после тяжелого
личного кризиса; он уезжает из
пореволюционной России, из
политической ситуации, внуша-
ющей ему крайнее отвращение,
с желанием «заткнуть себе уши
от всего русского», «умуть руки
и заняться искусством» (из ита-
льянских писем матери). Воз-
можно, его странствие в Италию
было одним из последних про-
медлений перед окончательным
вступлением на путь «гнева и
печали».

Туда, где унижение,
Где грязь, и жар, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже...
— одной из последних встреч с
рольными небесами искусства.
Но, если это путешествие такого
рода, мы, казалось бы, должны
ожидать свежих и ярких отзывов
об итальянской живописи, зод-
честве, музыке, истории, о
savoir-vivre? Чего-то вроде гени-
альных личных переживаний
«искусства на его месторожде-
нии», которые позволяют «в от-
личие от отдельных картин уви-
дать самое живописное, как зо-
лотую топь, как один из первич-
ных омутов творчества», удо-
вить «живую суть исторической
символики», — все то, чем так
блестяще венецианские страницы
Пастернака в «Охранной грамо-
те» или мандельштамовские ва-
риации на итальянские темы...
И что же, в стихах и прозе об
Италии («Молнии искусства»),
в письмах и записных книжках
Блока известные лица — Саво-
наррола, Данте, Леонардо, Меди-
чи, фра Беато — по сути, появля-
ются как хрестоматийные тени,

без малейшего усилия их интел-
лектуального или чувственного
прояснения:
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато смился, синий сом...
(«Флоренция», 1)
или так возмущившая Ман-
дельштама
Тень Данта с профилем орли-
ным.

(«Равенна»)
Даже в страстном предпочте-
нии, которое Блок выражал ран-
ней живописи, пренебрегая
Тинторетто и Тицианом, можно
заподозрить не столько его лич-
ный выбор, как воздействие
префазлитской критики,
вкус эпохи. Кстати, и сам «со-
мнительный», погруженный в
эротический воздух образ Ма-
донны — центральный образ
«Итальянских стихов» (о кото-
ром речь пойдет дальше), несо-
мненно, вызывает перел глазами
женские портреты префазли-
тов, а не итальянские прими-
тивы.

Говоря о пластических обра-
зах, Блок передает главным об-
разом их сюжетный слой, и чи-
тателю, избалованному авторами,
умеющими тончайшим об-
разом переводить зрительные и
тактильные впечатления в сло-
весные — ср. хотя бы леонардов-
скую «Вечерю» у Мандельштама
(«Небо вечера в стену влюби-
лось»), — это наверняка пока-
жется наивным и школьным.
В небе искусства Блок не ис-
кал той «божественной физио-
логии» и «веселого ремесла», к
которым чуток филологический
взгляд, — и не случайно. Ему
было довольно банальности, са-
мого общего места, известного
каждому гимназисту факта, точ-
ность которых он и не думал об-
суждать и продумывать заново,
чтобы осветить все это болью
участника или свидетеля.

Иногда от истины ходячей
Всем стало больно и светло.
Но главное: искусство не бы-
ло для него производством
изящных или совершенных ве-
щей. Оно было образом жизни
— эсхатологическим образом:

«вещи» искусства были для него
в своем роде антивещной, «про-
валом в вечность», чем-то вроде
того очистительного пламени, в
которое у вершины Чистилища
со страхом, вслед за Арнаутом,
вступает сам создатель Коме-
дии. Как о главном событии
встречи с искусством в Италии
Блок рассказывает не о пережи-
вании старой живописи или ар-
хитектуры, а о своем восхожде-
нии на гору Monte Luca, о том,
как он едва не упал в пропасть...
Опыт такого рода он считает
лучшей пропедевтикой искуства;
это понимание не «эстетиче-
ское»: «эстетика теряет смысл
для человека, чувствующего себя
на высоте и едва не упавшего в
пропасть»; «описанное мной нис-
хождение под землю и восхожде-
ние на гору имеет много общих
черт если не со способом созда-
ния, то с одним из способов по-
стижения творений искусства»
(«Молнии искусства»). Можно
замечать, что в этом символиче-
ском опыте Блок описывает не
то иное, как пространствен-
ную структуру дантовской
поэмы саста.

По отношению к «хаосу ду-
шевного и материальной жизни»
искусство выступает как испека-
ющая стихия. За искусством
такого рода, убийственным для
обыденной — и особенно «совре-
менной» — жизни, убийствен-
ным для того, что Блок называл
«гуманизмом», за искусством,
«неслыханное разрушение» ко-
торого он предсказывал («Воз-
мездие падет и на него: за то, что
оно было великим тогда, когда
жизнь была мала», «Молнии ис-
кусства»), Блок и отправился в
итальянское паломничество. За
искусством, которое представ-
ляет собой ш о к в е л и ч и я.
Другим шоком такого рода,
единственным опытом жизни,
где напряжение родственно и
равно напряжению искусства, в
блоковском мире была любов-
ная страсть.

Ожидание некоего видения
или любовной встречи — это ат-
мосфера «Итальянских стихов»
на языке Блока, их м у з ы к а. В
женском облике предстают го-
рода, посещенные им: Равенна с
ее Галлой, «лукавая» Сиена,
«нежная» Флоренция — Иуда,
Венеция — Саломея, Перуджия
— девушка с любовной запис-
кой, девушка из Сеттиньяно...
Возможная или невозможная,
но ожидаемая строгая страсть:
Когда-нибудь придет он,
строгий,
Кристалльно-ясный час любви.
(«Сиенский собор»)
И потому (осмелимся сказать)
Блок, чье знание европейской —
и итальянской — культуры не-
возможно сопоставить с эруди-
цией его современников:
Вяч. Иванова, Дм. Мережковско-
го, В. Буржова, М. Кузмина (от-
кликнувшегося на «Итальян-
ские стихи» двумя полемически
бесмятежными стихотворными
циклами), с уже упомянутыми
младшими поэтами, Пастерна-
ком и Мандельштамом, — Блок
тем не менее оказывается ин-

В ПОИСКАХ ВЗОРА

Италия на пути Блока

Александр Блок. Портрет работы Константина Сомова. 1907 г.

тимнее, чем любой из них, свя-
зан с огромной традицией евро-
пейской лирики: я имею в виду
лирику любви как особого рода
посвящения, как служения и
гностического откровения.<2>

Об этой традиции в русской
поэзии до Блока можно было
только догадываться — по пуш-
кинскому отголоскам: в частно-
сти, по стихам «Жил на свете
рыцарь бедный», которые были так
же неприменны для духовной
цензуры своего времени, как
блоковская «Maria da Spoleto»,
переименованная в цензурных

соображениях в «Девушку из
Spoleto», и уже совершенно не-
допустимые в оригинальной
версии «Благовошение» и «Гла-
за на опушке» (fine — или
rue — about). Другие великие
ученики Данте в нашем столе-
тии — П.Клодель, Т.С. Элиот,
Мандельштам — по всей види-
мости, не нуждались в Беатриче
как в центральном обосновании
собственного творчества и зало-
ге Новой Жизни. В этом смысле
Блок, со всей смутностью его
дантологии, имел больше осно-
ваний примерять на себя платье
флорентийского изгнанника,

чем его тонкие знатоки и интер-
претаторы. Одним из последст-
вий итальянского путешествия
стало для Блока самоотнесение
с Данте, открытое им избира-
тельное сродство (в стихах, по-
священных Флоренции, он за-
шел в этом так далеко, что его
«дантовские» инвективы и про-
клятия «Флоренции-Иуде» ока-
зались не допущенными цензу-
рой).

Но ни этими любовными ин-
вективами родине, ни попыткой
новой песни «Ада» («День дого-
рал на сфере той земли», 1910) не

исчерпывается дантовское из-
мерение, вошедшее в поэзию
Блока. Известен его замысел из-
дать «Стихи о Прекрасной Да-
ме», сопроводив их прозаиче-
ским комментарием наполебие
«Новой Жизни», — то есть пере-
думать собственную судьбу и
дар по дантовой мере.

Конечно, тема явления Жен-
ственной Тени как главного со-
бытия поэтической и человече-
ской судьбы сложилась у Блока
задолго до итальянского путе-
шествия. Больше того, до Ита-
лии в его поэзии был уже много-
образно разыгран двоящийся,
«сомнительный» образ служе-
ния поэта, который мы встреча-
ем в «мариологии» «Итальян-
ских стихов». В этом служении
до неразличимости смешано
жертвенное поклонение:

Дева, не жду ослепительной
встречи —
Дай, как монаху, вздох
на костер! —
и острая чувственность, тая-
щаяся:
Счастья не требую. Ласки
не надо.
Лаской ли грубой тебя
оскорблю?

или открытая:
Быть с Девой — быть во власти
ночи...
Двойственность этого от-
ношения перенесена на самый
предмет поклонения, в котором
подозревается тайное демони-
ческое сладострастие:

Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...
Но только в «Итальянских
стихах» эта «Вечная Женст-
венность» оказалась так прямо свя-
зана с образом Богородицы, а
поэт представлен Ее палиином
(дерзость, немислимая у Данте;
как известно, один из близких
Блоку читателей заметил в при-
веденных стихах тень пушкин-
ской «Гавриильды», с чем Блок
не спорил, говоря, как обычно,
о провинциальной необходи-
мости «падения» для дальне-
шего «синтеза»).<3>

Итальянские впечатления,
поражающее русский взгляд в
Италии изобилие светской жи-
вописи на библейские темы, с
неизбежной интимностью, ко-
торую вносит в них бытовая
тратовка и которую Блок на-
звал «вечной спутницей демо-
низма» (автокомментарий к
«Итальянским стихам»), несо-
мненно, провоцировали ту со-
зательную профанацию еван-
гельских тем, которая увенча-
лась в поэзии Блока образом
Христа, идущего перед револю-
ционными погромщиками («В
белом венчике из роз» (поэма
«Двенадцать»); образом не толь-
ко внецерковным, как заметил
С.С. Аверинцев, но и не еван-
гельским. Такому «Христу»
предшествовала «вероломная
Мария» «Итальянских стихов».

Любовная встреча в «Ита-
льянских стихах» не то что бы не
состоялась: она перенесена в не-
ведомое будущее. Открывающая
сюжетный цикл «Равенна» с не-
пробудной Галлой и завершаю-
щее его «Успение» изображают
в сущности одну, любимую Бло-
ком ситуацию: Спящую Царе-
вну древних сказок. Такой же
Спящей Царевны видел он
свою Россию:
Ты и во сне необычайна.
Твоей одежде не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тай-
на.
И в тайне ты почишь, Русь.
Пробуждение возможно; оба
стихотворения завершает образ
пения:
Тень Данта с профилем орли-
ным
О Новой Жизни мне поет.
(«Равенна»)
А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль.
(«Успение»)
и взгляда в даль, пространст-
венную и временную:
Ведя веком грядущим счет...
(«Равенна»)
Мозгильный ангел смотрит
вдаль.
(«Успение»).

исчерпывается дантовское из-
мерение, вошедшее в поэзию
Блока. Известен его замысел из-
дать «Стихи о Прекрасной Да-
ме», сопроводив их прозаиче-
ским комментарием наполебие
«Новой Жизни», — то есть пере-
думать собственную судьбу и
дар по дантовой мере.

Конечно, тема явления Жен-
ственной Тени как главного со-
бытия поэтической и человече-
ской судьбы сложилась у Блока
задолго до итальянского путе-
шествия. Больше того, до Ита-
лии в его поэзии был уже много-
образно разыгран двоящийся,
«сомнительный» образ служе-
ния поэта, который мы встреча-
ем в «мариологии» «Итальян-
ских стихов». В этом служении
до неразличимости смешано
жертвенное поклонение:

Дева, не жду ослепительной
встречи —
Дай, как монаху, вздох
на костер! —
и острая чувственность, тая-
щаяся:
Счастья не требую. Ласки
не надо.
Лаской ли грубой тебя
оскорблю?

или открытая:
Быть с Девой — быть во власти
ночи...
Двойственность этого от-
ношения перенесена на самый
предмет поклонения, в котором
подозревается тайное демони-
ческое сладострастие:

Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...
Но только в «Итальянских
стихах» эта «Вечная Женст-
венность» оказалась так прямо свя-
зана с образом Богородицы, а
поэт представлен Ее палиином
(дерзость, немислимая у Данте;
как известно, один из близких
Блоку читателей заметил в при-
веденных стихах тень пушкин-
ской «Гавриильды», с чем Блок
не спорил, говоря, как обычно,
о провинциальной необходи-
мости «падения» для дальне-
шего «синтеза»).<3>

Итальянские впечатления,
поражающее русский взгляд в
Италии изобилие светской жи-
вописи на библейские темы, с
неизбежной интимностью, ко-
торую вносит в них бытовая
тратовка и которую Блок на-
звал «вечной спутницей демо-
низма» (автокомментарий к
«Итальянским стихам»), несо-
мненно, провоцировали ту со-
зательную профанацию еван-
гельских тем, которая увенча-
лась в поэзии Блока образом
Христа, идущего перед револю-
ционными погромщиками («В
белом венчике из роз» (поэма
«Двенадцать»); образом не толь-
ко внецерковным, как заметил
С.С. Аверинцев, но и не еван-
гельским. Такому «Христу»
предшествовала «вероломная
Мария» «Итальянских стихов».

Любовная встреча в «Ита-
льянских стихах» не то что бы не
состоялась: она перенесена в не-
ведомое будущее. Открывающая
сюжетный цикл «Равенна» с не-
пробудной Галлой и завершаю-
щее его «Успение» изображают
в сущности одну, любимую Бло-
ком ситуацию: Спящую Царе-
вну древних сказок. Такой же
Спящей Царевны видел он
свою Россию:
Ты и во сне необычайна.
Твоей одежде не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тай-
на.
И в тайне ты почишь, Русь.
Пробуждение возможно; оба
стихотворения завершает образ
пения:
Тень Данта с профилем орли-
ным
О Новой Жизни мне поет.
(«Равенна»)
А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль.
(«Успение»)
и взгляда в даль, пространст-
венную и временную:
Ведя веком грядущим счет...
(«Равенна»)
Мозгильный ангел смотрит
вдаль.
(«Успение»).

исчерпывается дантовское из-
мерение, вошедшее в поэзию
Блока. Известен его замысел из-
дать «Стихи о Прекрасной Да-
ме», сопроводив их прозаиче-
ским комментарием наполебие
«Новой Жизни», — то есть пере-
думать собственную судьбу и
дар по дантовой мере.

Конечно, тема явления Жен-
ственной Тени как главного со-
бытия поэтической и человече-
ской судьбы сложилась у Блока
задолго до итальянского путе-
шествия. Больше того, до Ита-
лии в его поэзии был уже много-
образно разыгран двоящийся,
«сомнительный» образ служе-
ния поэта, который мы встреча-
ем в «мариологии» «Итальян-
ских стихов». В этом служении
до неразличимости смешано
жертвенное поклонение:

Дева, не жду ослепительной
встречи —
Дай, как монаху, вздох
на костер! —
и острая чувственность, тая-
щаяся:
Счастья не требую. Ласки
не надо.
Лаской ли грубой тебя
оскорблю?

или открытая:
Быть с Девой — быть во власти
ночи...
Двойственность этого от-
ношения перенесена на самый
предмет поклонения, в котором
подозревается тайное демони-
ческое сладострастие:

Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...
Но только в «Итальянских
стихах» эта «Вечная Женст-
венность» оказалась так прямо свя-
зана с образом Богородицы, а
поэт представлен Ее палиином
(дерзость, немислимая у Данте;
как известно, один из близких
Блоку читателей заметил в при-
веденных стихах тень пушкин-
ской «Гавриильды», с чем Блок
не спорил, говоря, как обычно,
о провинциальной необходи-
мости «падения» для дальне-
шего «синтеза»).<3>

Итальянские впечатления,
поражающее русский взгляд в
Италии изобилие светской жи-
вописи на библейские темы, с
неизбежной интимностью, ко-
торую вносит в них бытовая
тратовка и которую Блок на-
звал «вечной спутницей демо-
низма» (автокомментарий к
«Итальянским стихам»), несо-
мненно, провоцировали ту со-
зательную профанацию еван-
гельских тем, которая увенча-
лась в поэзии Блока образом
Христа, идущего перед револю-
ционными погромщиками («В
белом венчике из роз» (поэма
«Двенадцать»); образом не толь-
ко внецерковным, как заметил
С.С. Аверинцев, но и не еван-
гельским. Такому «Христу»
предшествовала «вероломная
Мария» «Итальянских стихов».

Любовная встреча в «Ита-
льянских стихах» не то что бы не
состоялась: она перенесена в не-
ведомое будущее. Открывающая
сюжетный цикл «Равенна» с не-
пробудной Галлой и завершаю-
щее его «Успение» изображают
в сущности одну, любимую Бло-
ком ситуацию: Спящую Царе-
вну древних сказок. Такой же
Спящей Царевны видел он
свою Россию:
Ты и во сне необычайна.
Твоей одежде не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тай-
на.
И в тайне ты почишь, Русь.
Пробуждение возможно; оба
стихотворения завершает образ
пения:
Тень Данта с профилем орли-
ным
О Новой Жизни мне поет.
(«Равенна»)
А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль.
(«Успение»)
и взгляда в даль, пространст-
венную и временную:
Ведя веком грядущим счет...
(«Равенна»)
Мозгильный ангел смотрит
вдаль.
(«Успение»).

Spoleto»). Иначе говоря, лирик
становится эпиком, протаго-
нист трагедии присоединяется к
хору.

Без этой смены позиции, про-
исшедшей в Италии, нельзя
представить Блока позднейших
сочинений — «поэзии третьего
тома», и прежде всего самого
«свидетельского» и летописного
из его созданий, «Возмездия».
Это тот новый взор <4>, кото-
рый Блок обрел в Италии.

Мы еще не коснулись еще од-
ной важнейшей темы итальян-
ских опытов Блока: выяснения
отношений между катастрофи-
ческой «современностью» (««се-
вропейской желтой пылью» —
«Флоренция», 1) и «вечным»
комментарием наполебие
«Новой Жизни». Позицию Бло-
ка нельзя свести к обычному
романтическому пессимизму. На-
стоящее, цивилизация, лишен-
ная сакрального измерения, по
Блоку, обречена; но ретроуто-
пия пугает его еще больше:
«Лучше вся жестокость цивили-
зации, все «безбожие» «экономи-
ческой» культуры, чем ужас при-
зраков — времен отошедших; са-
мый светлый человек может
пасть мертвым перед неувязи-
мым призраком, но он вынесет
чуждость и ужас реальнос-
ти» (Дневник 1912 года, т. 7, с.
134). Он ждет другого: пробуж-
дения интенции прошлого в на-
стоящем, его не нашедшей вы-
хода силы, алчущей «Новой
Жизни», своего неведомого бу-
дущего.

Когда через два года после
своих европейских путеше-
ствий, в 1911 году Блок —
который раз — размышляет о гряду-
щей катастрофе европейской
(«арийской», на его языке)
культуры, о победе Востока
(«Восток» имел для него от-
нояд не расовое значение, ибо
к этому «азиатству» он относил,
скажем, и этическую разнуд-
данность некоторых высказыва-
ний Василия Розанова) и
ищет в «своем» наследстве не
«гуманизма», который он считал
бессильным; а некоторой
простой и великой с и л ы, — он
вспоминает равенскую Галлу.
Ее открывшийся в з о р —
Чужой черный взор блаженной

Галлы,
Проснувшись, камня не прожжет —
мог бы стать ответом новому
варварству. Более определенно
смысл этого сжиганого взора
Блок пытается сообщить в
«Молниях искусства» (глава
«Взгляд египтянки»): «никогда
приблизительного удовлетворения
этой ацбы, не может дать ни
римский император, ни гербер-
рейский варвар, ни олимпийский
бегун, ни какое-нибудь животное, на-
вряд ли жаждою найти и увидеть
такого человека, как свет». Это взор
любви и поэзии, как ее видел
Блок. Этого взора — почившего
священного прошлого — он «не
разбудил» на древних италян-
ских гробницах. П у т ь в е л его к
тому, чтобы присоединиться к
разрушительному взгляду варва-
ра («Скифы», «Двенадцать»).

<1>. Все цитаты поэзии, прозы,
писем и дневников Блока приводятся
по соответствующим томам изда-
ния: Александр Блок. Собрание со-
чинений, т.т. 1-8. ГИХЛ, Москва —
Ленинград, 1960—1963.

<2>. О связи Блока с этой тради-
цией пишет американский исследо-
ватель «Итальянских стихов»:
см. Gerald Pirog, Aleksandr Blok's Ita-
lyanistic stichs. Confrontation and
Disillusionment. Slavica Publishers, Inc.
1983. Однако вывод Дж.Пирого о
крушении этой традиции в Блоке и,
в частности, в «Итальянских стихах»
кажется слишком прямолинейным:
«Blok as a modern lost the possibility of
gnosis, the apprehension of this Reality,
through the erotic encounter», xii.

<3>. Такой «синтез» небесного и
земного заключен в замысле друго-
го, уже не итальянского, а польского
сюжета, над которым Блок начал
думать в конце того же 1909 года: в
плане поэмы «Возмездие». Отноше-
ния с Польшей, как и отношения с
Италией, Блок не может предста-
вить иначе, как все то же «erotic
encounter», любовную встречу, несущую
в себе некое космическое и исто-
рическое откровение. Однако в
отличие от «азиатской любви»
«польская» — во всяком случае, в за-
мысле — не должна кончиться бес-
плодно. В задуманном эпизоде по-
эмы «простая мать», напоминающая
и Деву, и Страну (поскольку Россия
у Блока — страна страдания по пре-
имуществу, «родная Галилея», то
Польша, российская жертва, «страна
под бременем обид», в каком-то
смысле еще больше Россия, чем са-
ма Россия), нянчит младенца, ро-
дившегося от героя поэмы, сына
«Демоны», самого поэта; этот мле-
нец и будет искусителем, «который,
может быть, наконец ухватится ру-
чкой за колесо, движущее челове-
ческую историю» (Предисловие к
поэме «Возмездие»). В «Италян-
ских стихах» тема матери и младен-
ца представлена иначе: младенца,
укатанный «священной шалью», —
сам поэт в своем грядущем вопло-
щении:

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у ливного столба?
<4>. Интересно, что в частотном
словаре «Итальянских стихов», со-
ставленном Дж. Пирогом (op. cit),
слову «взор» принадлежит первое
место среди существительных (12);
кроме того, семантическое поле
«зрения» представлено множеством
других лексем: взгляд, глядеть, гля-
деться, смотреть, глаз, гляеть. Зри-
тельная стихия торжествует в этом
словаре. Вообще же «взор» и «обмен
взглядами» принадлежит к самым
сильным символам блоковского
мира: рационально прояснить се-
мантику этого символа вряд ли воз-
можно.

Рим. Церковь Domine Quo Vadis. Бегство св. Марии в Египет. Фреска художника школы Джотто. Фрагмент.

Равенна. Императрица Галла Пластиция. Фреска (IV-V вв.).